

Текст · 22 февраля 2019, 07:47

Александр Бородихин,

«Я услышал звук электрошокера. Сказали, что сейчас будем жарить». Задержанные в Сургуте «Свидетели Иеговы» рассказывают о пытках

Евгений Кайряк, 32 года, техник

Домой к технику сургутского центра промышленной экспертизы пришли в седьмом часу утра. Обыск проводил следователь Адиятуллин в сопровождении восьмерых силовиков.

После того, как я и жена Кайряк Росанна отказались сказать пароль телефонов, следователь сказал, чтобы меня вывели. Двое сотрудников в масках вывели меня в другую комнату, где нанесли мне по голове в область затылка два удара рукой, от которых я не испытал сильной боли, но так как они действовали агрессивно, испытал страх. Я снова отказался разблокировать телефон. Меня вернули в комнату, где я снова отказался сказать пароль, меня вывели в комнату трое сотрудников, те же двое в масках, и к ним присоединился сотрудник в штатском, но без маски, с залысиной и короткой стрижкой. Стали демонстрировать электрошокер, похожий на пистолет, при этом им трещали. Я испугался и был вынужден ввести пароль своего телефона, а жена — свой пароль.

С начала обыска изъяли четыре Библии, а по ходу обыска — компьютерную технику, смартфоны две штуки, два фотоаппарата, тетради с личными

записями, открытки, кредитные карты, документы на машину и водительское удостоверение, религиозную литературу. При этом, не внося в протокол, забрали ключи от машины.

Потом меня и супругу принудительно отвезли к [следственный отдел] по городу Сургут, где примерно в 13 часов отвели на первый этаж в кабинет к следователю Адиятуллину, где нас стали допрашивать. Я выборочно давал показания, отказываясь отвечать на некоторые вопросы на основании статьи 51 Конституции. Следователь Адиятуллин стал мне намекать, что меня отведут в дальнюю комнату, где я заговорю. При этом также присутствовал оперуполномоченный, а также моя жена.

Примерно через 30 минут допроса оперуполномоченный потребовал, чтобы я пошел за ним. Меня отвели в конец коридора, где в основном были сотрудники правоохранительных органов, там двое сотрудников стали заставлять меня встать по стойке «смирно», оскорбляли и требовали давать показания. Рядом было помещение, откуда доносились звуки ударов и вскрики человека. Потом меня завели в это помещение, где я увидел стоящего лицом к стене Волосникова Сергея, у которого были широко расставлены ноги, а руки на стене, рядом был сотрудник. Меня также поставили к стене, ударами ног по моим ногам расставив мои ноги в стороны. После чего стали наносить удары руками по телу справа в район ребер, а также по голове каким-то предметом, который я не видел. По ребрам

ударили примерно 3–4 раза, а по голове не менее 20 раз. При этом требовали дать показания.

Когда я согласился, меня отвели к следователю, а Волосников Сергей остался в этой комнате, стоять лицом к стене. Мы вернулись в кабинет следователя Адиятуллина, где я сразу заявил, что ко мне применили насилие, на что следователь ничего не сказал, а продолжил допрос, в ходе которого я снова воспользовался правом статьи 51 Конституции по некоторым вопросам. После чего мне дали прочитать протокол, а следователь вышел, а когда вернулся, попросил меня снова выйти в коридор, сказав, что со мной хотят поговорить.

Я вышел, и следователь с оперуполномоченным повели меня в конец коридора — в тоже помещение, где избили впервые. Когда я зашел в него, там уже были примерно четыре сотрудника, меня заставили лечь на пол лицом вниз, связали руки за спиной скотчем, а также ноги. Под голову положили тряпку. После чего стали выгибать пальцы на обеих руках, причиняя мне сильную боль. Потом на голову одели полиэтиленовый пакет, перекрывая воздух, от чего я стал задыхаться.

Одновременно мне стали наносить разряды электрошокера в область заднего прохода через одежду, от чего я испытывал удары электрического тока и жжение. Я стал кричать. А мне стали задавать вопросы о моей религиозной деятельности, на которые я отвечал, боясь пыток. Если ответ их не устраивал, применяли электрошокер. Всего мне нанесли не менее 10 разрядов. Во время пыток кто-то

придавливал меня к полу в районе икры правой ноги. Также через пакет били по лицу рукой. Это продолжалось примерно 15 минут.

После того как мои ответы стали их устраивать, меня развязали и сказали, что если я не дам признательные показания, все повторится, ночь длинная, и неизвестно, останусь ли я живым. Сначала меня, выведя из этого помещения, посадили на корточках возле кабинета следователя [Степана] Ткача, при этом надо мной издевались, нанося удары по голове в виде шалбанов (написание оригинала — МЗ).

Подошел следователь Адиятуллин, который спросил, готов ли я давать показания, я дал согласие, после чего меня отвели в его кабинет, где продолжился допрос. Я был вынужден отвечать на все вопросы, вопреки своей воли, зачастую оговаривая себя и других совершающих. При этом следователь, если его что-то его не устраивало, угрожал повторением пыток, а также что к уголовной ответственности привлекут супругу. В самом конце допроса пришел адвокат Брусницын, который мне юридической помощи не оказывал, а просто сидел. После этого распечатали протокол, и я из страха продолжения пыток его подписал. Адвокату я не говорил, что меня пытали, так как ему не доверял и боялся продолжения пыток.

Адвокат Владимир Брусницын подтвердил «Медиазоне», что действительно 15 февраля был приглашен в следственный отдел в качестве адвоката по назначению. По словам Брусницына,

он заходил только в кабинет следователя и Кайряк ему про пытки ничего не говорил.

«Его допрашивали, рядом сидела супруга — а до этого что было, я вам не подскажу, не знаю», — сказал адвокат. Впоследствии Кайряка отпустили под подписку о невыезде. Адвокат отметил, что сообщения о пытках задержанных в Сургуте его не удивляют.

При этом в один из моментов заводили мою супругу, и я ей дал понять, что меня пытали, и чтобы она давала показания и не отказывалась, как она сначала хотела сделать. После допросов меня с супругой отпустили примерно в 23 часа 15 февраля 2019 года, с нами одновременно вышел Боронос Вячеслав, который также сказал, что его пытали, но он отказался от дачи показаний.

От пыток у меня были на лице слева был отек, с правой стороны гематома, на правой икре гематома, которые я зафиксировал в травмпункте. Кто из сотрудников меня пытал, я не запомнил, всего в пытках принимали участие примерно 3–4 человека. По данному поводу меня опрашивали в полиции, в связи с моим освидетельствованием.

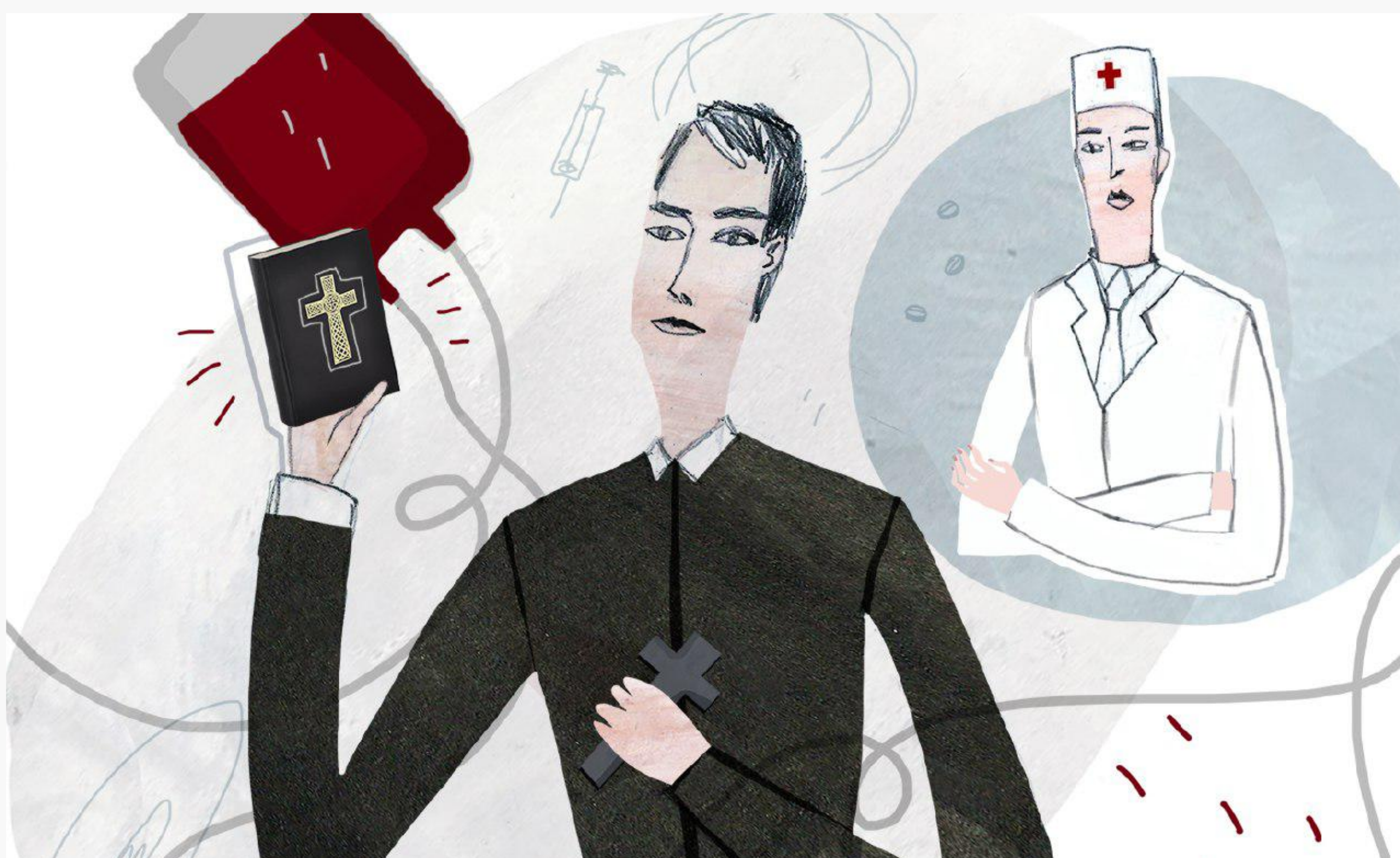
Из адвокатского опроса Евгения Кайряка

Вячеслав Боронос, 52 года, инженер

Домой к ведущему инженеру Сургутской ГРЭС-2 пришли примерно в шесть часов. Обыск проводил следователь Дмитрий Асмолов в сопровождении семерых силовиков. К обеду Бороноса с женой и сыном доставили в следственный отдел по Сургуту.

Сначала следователь Асмолов допросил его родных, а затем принялся за самого инженера.

Пока я ждал своей очереди, Жуков Тимофей обратил внимание, что из дальнего конца коридора, который перекрыт дверью, раздаются крики. Я тоже прислушался и услышал. Перед этим в эту часть коридора завели Волосникова Сергея, других я не видел. После допроса сына также повели на второй этаж. В этот же кабинет зашел я. Допрос вел [следователь] Асмолов в присутствии каких-то двух женщин. Перед началом допроса Асмолов меня сфотографировал, а затем попытался получить образцы голоса. Я отказался, в связи с чем следователь Асмолов вышел. Я спросил у одной из двух женщин, находившихся в кабинете, которую я посчитал адвокатом, хотя ее мне не предоставляли, могу ли я отказаться, сославшись на статью 51 Конституции, на что она ответила: «Попробуйте».

Секретные свидетели против «Свидетелей Иеговы». После решения Верховного суда по всей России арестованы уже десятки верующих

По возвращении следователя я вновь пытался возразить, но он сказал, что это необходимая процедура, и дал подписать мне согласие, которое мне было непонятно, но которое я подписал. После этого следователь Асмолов дал мне распечатанный текст **«Волеизъявления»**, якобы изъятый у моего сына. Я не соглашался зачитывать данный текст, и предложил зачитать ему другой текст. Однако следователь настоял на своем, и я в течение пяти минут зачитывал выданный мне текст [под запись] на смартфон Асмолова. Через некоторое время после этого следователь сказал, что запись его не устраивает и предложил мне зачитать какую-то молитву, которую он распечатал на формате А4. Я отказался. После некоторых уговоров следователя, я вновь сказал, что могу прочитать любой текст, к примеру, из Уголовного кодекса, лежащего на столе.

После этого он вывел меня в коридор с молодым мужчиной в штатском, который, после того как следователь зашел в кабинет, начал оказывать на меня психологическое давление, чтобы я делал то, что говорит следователь. После того, как следователь вновь предложил мне прочитать распечатанную им молитву на смартфон, я вновь отказался, а на второе настойчивое предложение скомкал распечатанный лист; он отправил меня в коридор, где несколько молодых мужчин в штатском провели меня далее по коридору в помещение, похожее на санитарную

комнату с серой кафельной плиткой на полу. Меня поставили лицом к стене.

Через некоторое время достаточно резко попросили перевести руки за спину и начали связывать их скотчем поверх джемпера. Я почувствовал неладное и сказал: «Ребята, я больной человек, состою на диспансерном учете. У меня в 1990 году был перелом основания черепа с ушибом головного мозга. Я провел 28 суток в коме. У меня тогда были сломаны два ребра и таз. У меня грыжи [в] позвоночнике. Не надо меня бить». На что они ответили, что сейчас они полечат мои грыжи.

После рук они так же скотчем связали мои ноги в самом низу и положили лицом вниз на пол, лбом на влажную тряпку, лежащую на полу и стали кричать на меня, требуя признания. Они надели мне на голову синий полиэтиленовый пакет и затянули его, в результате чего мне становилось нечем дышать, и я начал задыхаться. Когда я почувствовал, что начинаю терять сознание, пакет ослабили, я начал лихорадочно дышать, а находящиеся со мной люди продолжали оказывать на меня психологическое давление, крича и требуя признания.

Во второй раз, когда мне затянули пакет, в тот момент, когда я начал задыхаться, мне зажали через пакет рукой рот и пустили электрический ток, приставив между ног в районе ягодиц по всей видимости электрошокер. Так повторялось несколько раз, сколько не могу сказать, поскольку у меня было ощущение потери реальности. На мне сидели несколько человек и держали меня, больно

придавливая к полу, поскольку от невыносимой физической боли я пытался кричать и вырывался.

Во время издевательств я услышал голос Асмолова, который спрашивал, буду ли я говорить, но не могу утверждать, что это он, с уверенностью.

Через какое-то время мне на джинсы налили жидкости в районе ягодиц и продолжили включать электрический ток, прикладывая к джинсам между ног в области ягодиц электрошокер. В некоторых промежутках, когда мне ослабляли пакет, и я мог свободно дышать, я пытался сказать: «Ребята, вы мне в сыновья годитесь, вы убьете меня». На что они кричали в ответ: «Говори, или ты точно сдохнешь» — и продолжали меня пытаться. Несколько раз меня ударили сбоку по голове в области ушей, по всей видимости, ладонями.

Через какое-то время меня начали периодически сильно бить предметом по икроножным мышцам и два раза в правую икроножную мышцу пропускали электрический ток. Когда мне стало совсем плохо, кто-то из находившихся в помещении сказал, что «отец совсем дурной, нужно с ним заканчивать, коли его». И мне в правую ягодицу чем-то укололи, после чего через некоторое время я почувствовал жар, разливающийся по телу.

Потом меня подняли с пола, помогли встать на ноги, сняли скотч, дали туалетной бумаги и влажную тряпку, чтобы я вытер лицо, и вывели в прохладный тамбур, чтобы я пришел в чувство. Когда я приходил в себя, ко мне подошел следователь Асмолов и сказал, что когда я войду в кабинет, адвокат спросит, где я

так долго был, на что я должен ответить, что я был на втором этаже у жены с сыном. Когда я с трудом пошел в кабинет, следователь сказал, что так дело не пойдет, и нужно идти, как ни в чем не бывало. Адвокат действительно задал мне вопрос, где я был, на что я ответил: «Ваши ребята в туалет провожали». Про пытки ей не стал говорить, так как боялся. У меня взяли образцы голоса и меня допросили. Я был вынужден давать показания, так как боялся продолжения пыток.

В самой заключительной части допроса следователь Асмолов спросил меня, испытывал ли я хоть когда-нибудь такое, и что я, наверное, обиделся на ребят, на что я ответил, что подобного я не мог себе представить даже в страшном сне.

16 февраля 2019 года я обратился в БУ «Сургутская клиническая травматологическая больница», где был поставлен диагноз: «Ушиб, подкожные гематомы задней поверхности правой и левой голени (580.1) внешняя причина: удар другого лица или столкновение с ним».

В Следственном комитете пытки отрицают

После опроса «Свидетелей Иеговы» адвокат Дмитрий Колобов написал заявление об отводе всего состава следственной группы, которую возглавляет следователь по особо важным делам Степан Ткач. Отстранить он попросил и руководителя следственного отдела по Сургуту Владимира Ермолаева, который «допустил

ПЫТКИ».

Представитель управления по взаимодействию со средствами массовой информации управления СК по Ханты-Мансийскому автономному округу сообщил «Медиазоне», что в отводе уже отказано. Он уточнил, что официально по делу задержаны три человека («Свидетели Иеговы» сообщают-, что это Евгений Федин, Сергей Логинов и Артур Северинчик). Число доставлявшихся в следственный отдел жителей Сургута сотрудник пресс-службы назвать не смог.

«Никаких пыток не применялось, — добавил представитель ведомства. — Официально никаких заявлений в следственный отдел о пытках не поступало пока. Адвокат направил ходатайство об отводе следователей, но заявлений от лиц пострадавших — якобы пострадавших — не поступало».

Алексей Плехов, 41 год, электрогазосварщик

Домой к сварщику «Сургутнефтегаза» тоже пришли в шесть утра. Обыск проводил следователь из Ханты-Мансийска, фамилию которого он не запомнил, в сопровождении шестерых силовиков. Насилие к нему при обыске не применяли. Позже жена заметила пропажу 50 тысяч рублей.

Потом меня принудительно отвезли в [следственный отдел] по городу Сургут, где примерно в 12 часов отвели на второй этаж. В 201-м кабинете следователь, проводивший мой обыск, меня допросил, был составлен протокол, в котором я расписался. После этого следователь попросил меня подождать в

коридоре на втором этаже, где я находился примерно 40 минут. Там я видел семью Петровых, Фефилова Виктора, Боронос Вику и их сына Александра, Ромашова Павла и Козлова Виталия.

После этого ко мне подошли двое сотрудников правоохранительных органов, которые завели меня в другой кабинет на втором этаже, там уже был другой сотрудник в свитере камуфлированной расцветки. Они снова стали меня расспрашивать на предмет сбора пожертвований. Это продолжалось минут 40, при этом протокол не велся. Потом они позвонили куда-то, после чего зашел высокий оперативник с залысынами, вывел меня в коридор, грубо поставил лицом к стене, и, приклонив голову вниз, повел на первый этаж.

На первом этаже меня сначала поставили лицом к стене и натянули на глаза шапку, я ничего не видел. В таком положении я стоял примерно 20 минут. Рядом находился Логинов Сергей, я слышал его стоны — из-за чего он стонал, я не знаю. Затем меня завели в темное помещение, приказав встать к стене лицом, раздвинув ноги, как можно шире. При этом стали требовать давать показания. После чего связали руки за спиной скотчем, повалили на кафельный пол, связав ноги скотчем. После чего, поливая воду на ягодицы, ударили шокером, я закричал.

Мне стали задавать вопросы, при этом давили ногами на икры и лопатки. Всего нанесли два разряда током. Потом ногу поставили мне на голову, потребовав давать показания. Я согласился. Меня развязали и вывели в коридор, поставив лицом к

стене. Я услышал, как в это помещение завели Кима Артема, которого они называли по имени и фамилии. Кима стали бить, я слышал звуки ударов, звуки электрошокера и его крики и просьбы прекратить, что ему больно. Это продолжалось очень долго, примерно 30 минут.

Потом его вывели и поставили рядом со мной. Через некоторое время Кима снова завели в это помещение и стали требовать, чтобы он приседал. Я слышал команды: сесть, встать. Потом меня завели в кабинет на первом этаже к следователю [Степану] Ткачу. Он начал меня допрашивать, в связи с чем я, боясь продолжения пыток, был вынужден дать показания, после чего составили протокол, который я подписал. Следователь Ткач с этим протоколом, куда-то вышел, чтобы его с чем-то сравнить.

Пока меня допрашивал следователь Ткач, из соседнего помещения доносились крики и звук работы электрошокера, с небольшими перерывами. Также агрессивные крики сотрудников. Это также не мог не слышать следователь Ткач, который понимал, что там пытаются. После того, как я подписал допрос, пришел адвокат по фамилии Ткач, который также подписал мой допрос. Я адвокату ничего не говорил про пытки, так как боялся. Затем меня отпустили домой, примерно в 21 час 45 минут. Когда я выходил, видел, [что] в коридоре оставались Боронос Вячеслав и Федин Евгений.

У меня на теле от пыток были синяки, а именно на икре левой ноги и небольшие ссадины на ногах. Я снял побои 18 февраля 2019 года в травмпункте,

после чего меня опросили в полиции на предмет обстоятельств получения телесных повреждений. Кто меня пытал, опознать не могу, их было 3–4 человека.

Кирилл Северинчик, 21 год, ремонтник лифтов

Домой к рабочему комплексных зданий «Сургутлифтремонта» пришли в шесть утра. Обыск «проводил следователь, женщина», фамилию которой Северинчик не запомнил. Ее сопровождали пять или шесть силовиков. При обыске насилие не применялось, но «при вхождении в квартиру сотрудники заставили всю семью лечь на пол, в том числе несовершеннолетнюю сестру», а также ругались матом. После обыска Северинчика с отцом, матерью и двумя сестрами привезли в следственный отдел.

Ожидание допроса [на первом этаже следственного отдела] продолжалось не менее двух часов, все это время наша семья стояла, сотрудники правоохранительных органов запрещали даже присесть на корточки. Рядом с нами на первом этаже было не менее 15 человек, я запомнил Ромашова Павла, Шепель Виолу, супругов Кайряк, которых выводили из кабинета.

Первым, спустя примерно два часа, на допрос увели отца — в кабинет сразу справа сразу после входа, эта дверь не подписана. Примерно в 17 часов ко мне подошли два сотрудника в повседневной одежде, которые повели меня в противоположный конец коридора, где завели в помещение, напоминающее туалет, так как он был весь в кафеле, где хранили

разный хозяйственный инвентарь. Там было темно, при этом меня поставили лицом к стенке, заставив расставить ноги как можно шире. После этого мне связали руки скотчем за спиной, а на голову одели полиэтиленовый пакет, обмотав голову вокруг пакета скотчем. Затем меня повалили на пол, где связали ноги, также скотчем.

В помещении было примерно четверо сотрудников. При этом мне стали перекрывать поступление кислорода, от чего я задыхался, а они спрашивали о моих соверующих. Также мне угрожали сделать укол, но не сделали. После того как я кого-то не назвал, мне стали наносить по телу разряды ударов электрошокера, который прикладывали в область ягодиц через одежду. От которых я чувствовал электрическое воздействие по телу. При этом кто-то меня придавливал к полу в области груди. Всего было 4–5 разрядов, от которых я кричал. При этом меня принуждали дать показания, после чего я согласился. пытки продолжались примерно 30 минут.

После этого меня развязали и вывели в коридор, поставив лицом к стене возле входа в это помещение, так я простоял примерно 2 часа, при этом периодически мне в область затылка наносили удары руками, примерно три раза. Все это время в помещение, где меня пытали, заводили других соверующих. Я слышал, как они кричали от боли, а также треск электрошокера и звуки ударов по телу. За это время завели примерно 3–4 человек, я слышал голос Кима Артема, Плехова Алексея, Логинова Сергея.

Затем меня повели на допрос к следователю, которая проводила у меня обыск, где я был вынужден, боясь продолжения пыток, давать показания, но этот протокол так и не распечатали, почему — мне неизвестно. Меня перевели в другой кабинет к следователю-мужчине, которого я не запомнил, там меня начали повторно допрашивать, при этом я также был вынужден давать показания, в том числе в отношении своего отца, будучи сломленным пытками.

После этого меня отпустили примерно в 23 часа. Когда я уходил, там оставался мой отец (позже суд отправил 52-летнего Артура Северинчика в СИЗО — МЗ), более никого не видел. От пыток видимых телесных повреждений не было, только болели мышцы ног от длительного стояния, а также шея. Тех, кто меня [пытал], опознать не смогу, так как никого не видел из-за пакета, а в помещении было темно, и мне не давали смотреть.

Артем Ким, 31 год, технический специалист

В 6:15 домой к сотруднику интернет-провайдера *NetByNet* пришел следователь Сергей Богодеров в компании оперативника ФСБ, технического специалиста и двух сотрудников ОМОНа. Кима с женой доставили в следственный отдел на улице Островского и оставили на первом этаже.

Жену сначала увели на допрос в 105-й кабинет, а я находился в коридоре возле кабинета. Там же было не менее 10 человек моих соверующих. Я разглядел Коботова Игоря, Жукова Тимофея, Кайряк Евгения, Гаргалык Савелия с женой, Окуневу Марию, Хорикову

Ираду. Допрос жены продолжался примерно два часа, потом она вышла с сотрудником, и они пошли прямо по коридору, а меня завели в этот же кабинет, где был следователь Богодеров.

Я сразу попросил адвоката и сказал, что желаю воспользоваться статьей 51 Конституции. Следователь сказал, что вызвал адвоката, после чего начал вести со мной беседы о моих религиозных убеждениях, это было 10–15 минут. Пришел адвокат Шкредов Антон Вячеславович, с которым я переговорил, он мне дал несколько советов, как воспользоваться статьей 51. Потом прошел допрос под видеозапись, где я отказался от дачи показаний по статье 51 с подписанием соответствующего протокола, а также обязательства о явке. Это продолжалось примерно 40 минут, то есть примерно до 17 часов. Также подошла жена.

Когда мы уже собирались уходить, следователь Богодеров попросил меня задержаться, так как со мной хотят поговорить оперуполномоченные. Поэтому ушла только жена. Примерно через 30 минут в кабинет зашел оперуполномоченный, который меня вывел с вещами в коридор, там был еще оперуполномоченный, и они меня повели в конец коридора, противоположный от входа, данная часть коридора была перегороджена дверью; там были еще сотрудники, меня поставили лицом к стене, сказав, чтобы я максимально широко расставил ноги. Потом мне нанесли удар ладонью в область затылка.

Затем меня завели в помещение похожее на туалет, так как оно было в кафеле, где хранился различный

хлам. Меня также поставили лицом к стене, стали оскорблять. Мне на голову одели черный матерчатый мешок, который обвязали скотчем вокруг шеи и вдоль лица, связали скотчем руки. Меня ударили ногой под правую ногу, от чего я упал. Далее нанесли сильный удар ногой в область ягодицы и потребовали встать. Я поднялся. Потом меня заставили стать на колени лицом к стене, ударили по голове, за то, что я медленно встал. Далее положили лицом вниз, кто-то сел мне на спину, и начал тянуть руки в верх, от чего я почувствовал сильную боль. Также кто-то держал мои ноги и били каким-то предметом по икрам.

Все это продолжалось примерно 20 минут, при этом действия периодически повторялись. От меня стали требовать дать показания, когда я сослался на статью 51 Конституции, меня стали оскорблять. Затем связали ноги скотчем. Я услышал звук электрошокера. Мне сказали, что сейчас будем жарить. Начали бить разрядами электрошокера в обе икры: его прикладывали и несколько секунд держали, от чего я испытывал сильную боль. Потом переместились удары электрошокера в заднюю поверхность бедра. Я сначала молчал, только просил прекратить.

Потом электрошокер мне вставили промежность и тоже дали разряд. С меня сняли ботинки, стали поливать ноги водой и бить шокером в костяшки возле ступни. Одновременно меня оскорбляли и всячески унижали, нанося удары по голове. Полили водой заднюю поверхность бедра, туда стали наносить разряды электрошокера. Потом полили руки водой и стали бить туда электрошокером.

Затем перевернули на спину, начали бить шокером в колени, нащупывая какие-то специальные места под чашечкой, и другие места на ногах. Я сильно кричал при этом, за что меня били по голове.

Далее стали угрожать, что сделают мне укол, от которого я получу разрыв сердца; затем мне приспустили джинсы и нижнее белье, сделав какой-то укол. После чего стали угрожать изнасилованием, стали подбирать какой-то предмет, которым стали водить по ягодицам, требуя начать давать показания. Я не реагировал. Потом ноги полили водой, после чего я почувствовал ток необычайной силы, таких разрядов было 3–4, от них все тело содрогалось и останавливалось дыхание. При этом треска шокера не было — его разряды были дополнительными к этим сильным ударам тока.

Меня спросили, нужен ли мне врач. Потом стали бить электрошокером каждый палец рук. После этого я согласился дать показания. Меня развязали и вывели в коридор, сказав, что сейчас поведут к следователю, но я снова отказался. В коридоре были соверующие, но мне не разрешали на них смотреть. Мне тут же снова надели на голову мешок тот же, обвязали скотчем и втолкнули в то же помещение. Поставили на колени к стене, сказали закрыть лицо руками, после этого стали наносить удары по шее и голове. Примерно 5–7 раз.

Тот же оперуполномоченный, который больше всех на меня кричал, стал требовать, чтобы я выполнял приседания. Но я не мог этого сделать, так как правую ногу свела судорога. Меня повалили на пол,

стали душить, надев сверху мешка полиэтиленовый пакет, перекрывая доступ воздуха, сжимая шею; я задыхался, при этом также били шокером. Потом стали бить сильными разрядами тока по ногам, без звука шокера. Я от боли ударился сильно головой, мне стали держать голову. Это продолжалось долго, я потерял счет времени. Я снова согласился дать показания.

Мне принесли фотографии, сняли мешок, кого-то я не узнал. Мне одели мешок, стали душить и били шокером по пальцам. Потом показывают ту же фотографию. Всего было четыре фотографии. Когда я сказал, что Северинчик Артура я знаю, дружу с его детьми, меня продолжили бить и душить. Пока я не ответил на все вопросы, все это продолжалось.

Если ответ [был] «не знаю», то били током, положительные ответы — давали отдых. Все это сопровождалось угрозами расправы со мной и близкими. Далее мне сказали, что все это я должен повторить следователю. Я ничего не мог сам делать, они сами меня привели в порядок. Меня вывели в коридор и привели к следователю Богодерову. Со мной были трое оперуполномоченных, которые меня били и пытали.

Следователь потребовал сказать пароль от телефона. Я отказался. Оперуполномоченные стали снова угрожать и толкать по телу. Я с испугу вынужден был сказать пароль. Только после этого оперуполномоченные вышли. Следователь начал говорить, что я бы мог всего этого избежать, если бы дал показания. У меня было очень учащенное

дыхание, я снова стал отказываться от показаний. Вошли те же оперуполномоченные, схватили и повели в тот же коридор, сначала поставив возле стены.

Со слов я понял, что здесь находится какой-то адвокат, поэтому пока ничего делать не будут. На меня просто давили морально, нанося удары кулаками по ребрам и голове и требуя дать показания следователю. Я согласился, но сказал, что только при адвокате дам показания. Привели адвоката Фомину Н.Н., которая посоветовала мне сотрудничать со следователем; это было примерно в 22 часа, так как компьютер следователя каждый раз говорил время. Также адвокату я говорил, что меня пытали, она видела мое состояние.

Адвокат Наталья Фомина говорить с корреспондентом «Медиазоны» по телефону о пытках отказалась: «Я как адвокат ни с кем никогда не разговариваю, пока не увижу этого человека, который бы мне представился официально. Второе, в рамках закона об адвокатской деятельности я не имею права разглашать что-либо по уголовному делу, где я являюсь защитником. До свидания».

Связаться с адвокатом Шкредовым не удалось.

Я, боясь продолжения пыток, согласился дать показания. Следователь также пообещал меня отпустить. Перед этим меня попросили подписать заявление об отказе от услуг защитника Шкредова, провели мой допрос с участием адвоката Фоминой.

После окончания допроса следователь с его слов пошел к начальнику Ермолаеву (Владимир Ермолаев занимает пост начальника следственного управления по Сургуту — МЗ) для согласования. Потом он пришел вместе с начальником Ермолаевым, который захотел поговорить со мной один на один. Я не соглашался, но адвокат и следователь вышли.

Ермолаев стал говорить, что хочет подкорректировать мой допрос, но у него ничего не получалось, и мы перешли в его кабинет, там он переделал мой допрос. Я начал его читать, с чем-то не соглашался, это переделывали. Потом я подписал протокол. Мы вернулись к следователю, с меня взяли подписку о невыезде. Примерно в 0 часов 40 минут 16 февраля меня отпустили. При этом следователь отвез меня домой, ехали молча.

От пыток у меня были следующие телесные повреждения: сильные боли в икрах, как сказал врач от перенапряжения мышц, синяк на левом колене, ссадины на правой руке, гематомы на спине и шее, сильные боли в голове, у меня также появилось заикание, которое раньше было, но я с ним справился тогда. У меня также было сильное растяжение челюсти и ушиб с правой стороны, там сильно болело. По данному поводу я неоднократно обращался в медицинские учреждения. Примерно в 21 час 16 февраля у меня поднялась температура, в связи с чем мне вызвали скорую, врач которой меня подробно осмотрел и отвез в травматологию. Я также подал жалобы на пытки в прокуратуру Сургута и вышестоящие прокуратуры.

Тех кто меня пытал, всего два человека, одного я могу опознать по лицу (высокого роста, крепкого телосложения, возраст примерно 35 лет, короткая стрижка волосы скорее светло-русые, когда я его видел, он был в в длинной верхней одежде), а другого — по своеобразной интонации голоса (с необычным говором).

Хочу дополнить, что оперуполномоченные, которые меня пытали, были приезжими, так как говорили о необходимости улетать на самолете.

Сергей Волосников, 41 год, водитель

Примерно в 6:30 утра водителю банка «Открытие» Волосникову позвонил на мобильный телефон оперативник ФСБ, который предложил встретиться. При встрече мужчину посадили в микроавтобус «Газель» и повезли домой на обыск, не позволив запереть служебную машину. Обыск следователь Станислав Гайсин и двое оперативников ФСБ проводили в присутствии жены и шестилетнего сына. Затем Волосникова отвезли в следственный отдел, где посадили в коридоре на втором этаже.

Рядом со мной сидели два сотрудника ОМОНа. В этом коридоре среди доставленных были еще примерно 6–7 человек с детьми, я разглядел только Петрова Игоря с женой и несовершеннолетним сыном. В таком положении я просидел примерно 40 минут. После чего меня пригласили на допрос, который проводил следователь Гайсин. Допрос снимался на видео; при этом право пользоваться услугами адвоката не разъясняли, и я от адвоката не отказывался.

После допроса меня вывели в коридор, но не отпустили. После этого следователь Гайсин вернулся, и сказал, что его не устраивают мои показания и нужно говорить больше. При этом присутствующий в кабинете оперуполномоченный, который был у меня на обыске, начал меня оскорблять. Я настаивал, что я к экстремистской организации отношения не имею. После этого Гайсин и оперуполномоченный повели меня на первый этаж, где меня отвели в противоположный от входа конец коридора, оставив стоять у стены, где я пробыл примерно два часа, то есть примерно до 16 часов. Рядом со мной в коридоре находился Логинов Сергей, а также весь коридор был заполнен моими соверующими.

Затем меня двое неизвестных мужчин завели в помещение размером два на пять метров, рядом с кабинетом следователя [Степана] Ткача, напоминающее туалет, так как пол и стены в кафеле. Один из них скрутил из твердого картона трубку и начал наносить мне удары по шее, требуя дать признательные показания. Нанес примерно четыре удара, от которых я испытывал физическую боль. Я попросил не бить по голове, так как у меня было сотрясение мозга.

Следом в это помещение завели Логинова Сергея, и я услышал, что его стали бить, так как слышал отчетливые удары по телу и возгласы от боли Сергея. Но я стоял лицом к стене и не видел, как это происходило. Это продолжалось примерно 20–30 минут, при этом у Сергея требовали дать показания, а он отказывался.

Его вывели, трое неизвестных мужчин связали мне руки за спиной скотчем. На голову одели черный полиэтиленовый пакет, который обмотали скотчем вокруг головы. Меня положили на пол лицом вниз и связали скотчем ноги. Я услышал треск электрошокера; при этом требовали дать показания. Я сказал, что все уже сказал. Тогда ноги облили водой и начали бить электрошокером по левой ноге в области задней поверхности бедра. Было не менее семи разрядов, от которых я испытывал сильное жжение и удары электрического тока.

Я кричал: «Что вы делаете!» — а мне прижимали пакет к горлу. При этом кто-то стоял у меня на ногах в области голени. Я испытывал приступы удушья, пытаюсь разгрызть пакет зубами. Это продолжалось примерно 30 минут. Также мне сделали какой-то укол в область ягодицы, говоря про какую-то вакцину СПИДа. В конце я крикнул, что дам показания, и стал отвечать на их вопросы. Меня подняли, развязали, из носа пошла кровь, от чего — я не знаю.

Меня сразу перевели в соседний кабинет к следователю Ткачу, который начал меня допрашивать, право на адвоката мне не разъясняли и я от адвоката не отказывался. Был составлен новый протокол допроса. Пока меня допрашивали, из помещения, где меня пытали, раздавался треск электрошокера и крики Бороноса Вячеслава, я его узнал по голосу. При этом один из тех, кто меня пытал, заходил в кабинет и спрашивал, знаю ли я Бороноса, и почему он говорит, что тебя не знает, уходил — и снова раздавались те же звуки пыток.

После допроса на бумаге допрос был повторен под видеозапись. Мои показания не были добровольными, таким образом меня заставили дать показания. После этого я снова стоял в коридоре, со слов следователя Ткача, должна прийти стенографистка, которая заполнит мой видеодопрос.

Мое ожидание было более часа. Пока я стоял, мимо меня в помещение, где пытали, завели Плехова Алексея, его также пытали, от чего он сильно кричал. Рядом со мной находились Логинов Сергей, Ким Артем, которые это слышали. Я слышал, как после этого кого-то стали заставлять по многу раз приседать, это были соответствующие крики, но кого, я не знаю. Меня отпустили примерно в 22 часа. Когда я уходил, оставались Ким Артем, Логинов Сергей и Федин Евгений, но всех я не видел.

От пыток у меня были телесные повреждения, большие гематомы на голеньях, гематомы на спине, которые я освидетельствовал в травматологии, указав, что получены от следователей. Жалоб по этому поводу я пока никому не подавал.

Я могу точно опознать одного из троих, которые меня пытали. Это мужчина, на вид 30–35 лет, среднего роста, среднего телосложения, стрижка короткая, волосы темно-русые, я запомнил черты его лица. Он был одет в джинсы темного цвета и светлую кофту. Особых примет нет. На его правой руке была резиновая перчатка, скорее всего, он и использовал электрошокер. Электрошокер я не разглядел.

Из адвокатского опроса Сергея Волосникова

